



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 342–350

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 342–350

<https://bonjour.sgu.ru>

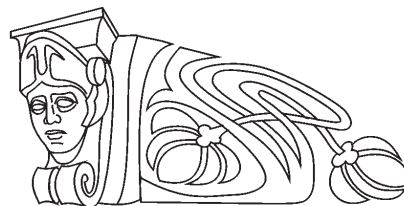
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

Научная статья

УДК 821.111.09-311.6+929[Мантел+Кромвель]

Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет»

И. В. Кабанова



Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. Заключительный роман трилогии Мантел о Томасе Кромвеле рассматривается сквозь призму современных теорий власти. Как исторический романист, Мантел воссоздает ментальность, стоявшую за политической и общественной жизнью Тюдоровской эпохи. Она показывает преобладание в этой ментальности средневековой модели королевской власти и попытку Кромвеля ослабить укорененную в традиции сакральность королевской власти, сместить центр в сторону власти светской, попытку слишком раннюю и потому обреченную на неудачу. Роман рассматривается с точки зрения основного сюжета трилогии: динамики взаимоотношений между королем и его главным министром. Внешне это сюжет беспрецедентной головокружительной карьеры простоянина, который держится до тех пор, пока король не истощает его силы, не замучивает его работой, которую не в силах выполнить десяток обычных людей, после чего от него за ненадобностью избавляются. Вскрывается внутренняя динамика сюжетного развития – психологический симбиоз и одновременно противостояние короля и Кромвеля, оба нужны друг другу и тяготеют друг другом. По мере роста власти Кромвеля в нем растет сознание опасности его положения: подданный не может стоять вровень с королем, а Генрих VIII предоставляет Кромвелю реально править Англией, что все и видят. Когда до Генриха доходит, что успехи Кромвеля воспринимаются как вызов королевской власти, он велит его казнить по надуманным обвинениям. Участь Кромвеля тем самым повторяет судьбу его наставника из первого тома трилогии, великого кардинала Вулси. Анализируется художественное мастерство Мантел в раскрытии психологии конфликта разных типов власти на всех уровнях романа.

Ключевые слова: Мантел, власть, монархия, король, подданный, религия, Томас Кромвель

Для цитирования: Кабанова И. В. Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 342–350. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological aspects of power in Hilary Mantel's *The Mirror and The Light*

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. The last novel of Mantel's Cromwell trilogy is approached through the lens of the contemporary theory of power. As a historical novelist, Mantel opens up the mentality behind political and social forms of power under Tudor monarchy, the dominance of traditional medieval system and, in Cromwell's attempt to create bureaucratic government, the emergence of power devoid of the coating of sacredness. The paper is focused, though, on what is seen as the novel's central plot, the dynamics of interpersonal balance of power between king Henry VIII and his Lord Privy Seal. Seemingly, Cromwell enjoys his outstanding career, unique for a commoner, as long as Henry stands behind him, and once Henry has exhausted Cromwell, he gets rid of him. The main phases of dynamics between Henry and the central character are established, and each phase of the increase in Cromwell's power and outward prestige is accompanied by the increase in his awareness of the dangers of his position, in case he fails to satisfy his master's desires. In fact, Henry realizes that Cromwell presents a challenge to king's power, comes to see him as a dangerous rival and executes Cromwell as such. Cromwell's fate is destined to repeat that of his first master Cardinal Wolsey. Mantel's artistry in implying and explicating this plot on the novel's many levels is analyzed.

Keywords: Mantel, power, monarchy, king, subject, religion, Thomas Cromwell

For citation: Kabanova I. V. Psychological aspects of power in Hilary Mantel's *The Mirror and The Light*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 342–350 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



«Зеркало и свет» (2020) – заключительная часть трилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвеле («Вулфхолл», 2009; «Внесите тела», 2012). Трилогия стала ярким событием в современной английской прозе. Писательница воскресила решающий в формировании Англии Нового времени период правления Генриха VIII и реабилитировала в общественном сознании его первого министра, лидера английской Реформации Томаса Кромвеля. По мнению критики, Мантел создала в трилогии национальный эпос, подобный «Энеиде» Вергилия или «Воине и миру» Толстого [1]. В отличие от первых частей трилогии, к досаде читателей Мантел, роман не получил Букеровскую премию, что ничуть не умаляет его выдающихся художественных достоинств. Поскольку изначальный замысел предполагал уместить повествование о Кромвеле в одно произведение, роман «Зеркало и свет» вырастает на фундаменте двух предшествующих романов, тесно связан с ними. Основной сюжет здесь тот же, что и предыдущих романах, – взаимоотношения Кромвеля с его господином, Генрихом VIII Тюдором (1491–1547). Как и прежде, деятельность Кромвеля в области реформы церкви и государственного аппарата, столь интересующая историков [2–4], показана широкими штрихами; романистку больше интересуют не конкретные гениальные импровизации Кромвеля в сфере политики, а сама его загадочная личность.

Шесть частей «Зеркала и света» изображают последние четыре года жизни Кромвеля, от казни Анны Болейн до его казни. В начале романа, в мае 1536 г., герой, сын пивовара и кузнеца из Патни, ранее устроивший брак короля с Анной Болейн и фактически уже правящий Англией, запоздало получает королевскую благодарность за избавление от Анны в виде пожалования титулом барона Уимблдонского. К его посту государственного секретаря прибавляется придворный пост хранителя малой печати. В финале романа Кромвель, к этому моменту уже лорд Эссекс, обвинен в ереси и измене, лишен права предстать перед судом и казнен на Тауэр Хилл 28 июля 1540 г. Эти четыре года – в истории период повышенной нестабильности, когда тюдоровская монархия прошла через ряд опасных кризисов. Во-первых, восстание на Севере 1536–1537 гг., так называемое «Паломничество благодати», бросило прямой вызов королевской власти. Первым требованием восставших было устранение ненавистного министра-реформатора, но тогда Генрих не отказался от Кромвеля. После подавления восстания и расправы с его предводителями приходит черед расправы с остатками Плантагенетов – следует серия казней представителей древнейших родов, которые потенциально могли претендовать на престол.

Далее после папской буллы об отлучении Генриха от церкви ожесточается борьба реформаторов со сторонниками католичества, на костер восходят все, чьи высказывания по религиозным вопросам отличаются от мнения короля, равно сторонники папы и евангелисты. Наконец, король возлагает на Кромвеля вину за свой неконсумированный четвертый брак с Анной Клевской. Мантел многое опускает из политических перипетий, выводя на первый план сюжет личных отношений короля с его самым доверенным и эффективным слугой. Уникальная психологическая достоверность этого сюжета достигается, думается, благодаря тому, что нарратив трилогии – особенно ясно это становится в «Зеркале и свете» – осознанно или бессознательно реализует современные представления о природе власти, о механизмах памяти. Сосредоточимся на проблематике власти в романе.

Вкратце коснемся категории власти, поскольку проблематика власти видится в трилогии центральной. Власть мы будем понимать как динамическое соотношение между правителем/теми, кто принимает и осуществляет решения, и теми, кто является объектом властного воздействия. Задолго до возникновения политической власти и государства власть существовала в роду, в семье; естественной моделью власти является власть отцовская. Каждый человек в младенчестве и в детстве усваивает свою первую модель власти, власть семьи. В широком значении власть можно считать антропологическим механизмом социального взаимодействия людей, механизмом саморегуляции общества. Изображаемый в романе период крайне интересен с точки зрения теории политической власти: это переход от сакральной средневековой монархии, т. е. от неограниченной власти одного лица как источника закона, к современной национальной государственности, к возникновению бюрократического аппарата как средоточия власти.

Традиционная королевская власть сохраняет стабильность и преемственность в силу идеи о «двух телах короля», которая после исследования Э. Канторовича [5] глубоко укоренилась в современном гуманитарном знании. Канторович воссоздал средневековые теологические и юридические обоснования власти: король как человек конечен, его земное тело смертно; но истинное «тело короля», т. е. мистическая сущность власти, основанная на союзе короля с Богом, на слиянии в фигуре монарха власти сакральной и светской, – эта трансцендентная сущность власти вечна. В момент физической смерти помазанника она не умирает, а переходит на его преемника, обычно законного сына. Вот почему Генрих VIII в романе меняет жен в попытке обзавестись законнорожденным наследником, и рождение



принца Эдуарда королевой Джейн Сеймур позволяет Генриху лишиться старших дочерей, Марию и Елизавету, прав на престол. Борьба за очищение католической церкви, подъем Реформации в Европе ударяют по сакральной составляющей королевской власти, ослабляют ее. Параллельно в процессе создания национальных государств идет перераспределение власти светской, и короли пытаются играть в свою пользу, ослабляя древнюю аристократию за счет нового чиновничества. При этом внешние ритуалы королевской власти приобретают новое значение [6].

Для Тюдоров династические соображения играют особую роль. Их появление на английском престоле в 1485 г. – событие в описываемое время недавнее, благодетельное для страны. Отец Генриха, буквально подобравший корону на поле боя, положил конец веку гражданской войны в Англии. Память о ней еще слишком свежа, и Генриху важно обеспечить неоспоримо законный переход власти наследнику. Как понимает он сам и его правительство, делать ставку на одного малолетнего сына в эпоху, когда дети могут умереть в любой момент, неразумно, и потому немедленно после смертей королей парламент в очередной раз обращается к Генриху с просьбой вступить в новый брак. Королева Джейн Сеймур выведена в романе как креатура Кромвеля, он же находит королю четвертую жену, Анну Клевскую.

В отличие от континентальной Европы, в средневековой Англии власть монарха не была неограниченной, в ней соучаствовал парламент, принимавший законы, утверждавший налоги и бюджет. Кромвель резко повысил роль парламента как политического инструмента, расставил на ключевых постах в провинции своих людей. Ему удавалось сдерживать склонность Генриха к войне; в прошлом солдат, торговец, финансист, стряпчий, Кромвель предпочитает переговоры и убеждение, использует власть денег, приращивает королевскую казну.

В целом в романе, в соответствии с представлениями исторической науки, доминирует средневековая система власти – король занимает исключительную властную позицию. Генрих стоит вне закона, над законом – а Кромвель пишет законы для воплощения желаний короля и проводит их в жизнь. Мантел изначально привлекла к Кромвелю его историческая аномальность: это первый простолудин, который поднялся наверх не просто в качестве фаворита короля, но реально аккумулировал столько власти, что сравнялся с королем. Из истории известно, что просители, письменно обращавшиеся к Генриху, одновременно писали менее формальное, более деловое письмо Кромвелю, с целью обеспечить желаемое [4, р. 315], что Генрих часто не понимал, до какой

степени Кромвель манипулировал им. Кромвель в романе осознает себя как зеркало, отражающее исходящий от Генриха свет суверенной власти. Между королем и его первым министром существует переменчивый баланс личных отношений, который и является основным сюжетом романа. Постоянно спасая Генриха от реализации его худших импульсов, беря на себя его грехи, Кромвель неуязвим до тех пор, пока король не перестает по доброй воле перекладывать на него свои докучные обязанности правителя. Но как только король начинает ревновать Кромвеля к власти, тот обречен. По мнению Мантел, он был обречен с самого начала своей карьеры, которая демонстрирует трагическое столкновение власти, основанной на личных достоинствах, с властью, существующей от века и от Бога. Против традиционной сакральной власти короля создаваемая Кромвелем машина управления в романе бессильна. Она эффективна до тех пор, пока у руля стоит сам ее создатель, но пока эта машина не освящена традицией, она вызывает сопротивление у современников, и потому неспособна защитить Кромвеля от традиционного королевского произвола.

Кромвель в трилогии предстает как титан английского Возрождения, личность многих талантов и больших амбиций. Он внешне учтив и сдержан, непредсказуем и решителен в действиях. Он по своему банкирскому прошлому, по адвокатской специализации на страховании – профессиональный оценщик рисков, переговорщик, расчетливый игрок, умеющий извлечь максимум возможного в предлагаемых обстоятельствах. В предыдущих романах трилогии был показан его путь наверх как безустанная работа по заполнению любых образующихся во власти пустот – он постоянно расширяет свое влияние, проявляет управленческий гений, он сумел сделать себя незаменимым. Его правило – никогда не объяснять своих мотивов и не пресекать никаких слухов о себе; он понимает, что власть выигрывает от ауры непостижимости. Кромвель не ставит во главу угла внешние знаки и ритуалы власти, но умело использует их в целях репрезентации власти. Он овладевает гигантским массивом экономической, финансовой и политической информации, информацией о личном и семейном положении всех сколь-либо значимых собственников в королевстве. В соединении с его опытом законодателя эта информация дает ему возможность административных новаций, которые по-настоящему успешны, когда в них текущие цели короля (Генрих не просчитывал дальние последствия принимаемых решений) совпадают с представлениями Кромвеля об общем благе и его личными интересами: Кромвель отторг Англию от католической церкви, резко увеличил мощь светской власти против церковной, изменил



систему управления страной за счет гибкого взаимодействия укрепившейся центральной власти с местными магистратами, изменил средневековые законы землевладения и наследования имущества, создал первую систему поддержки бедных и т.д.

Историческая достоверность достигается в образе Кромвеля за счет того, что Мантел изображает Кромвеля не только универсальным человеком, в чем-то мудрым, в чем-то слепым, но как человека его противоречивой эпохи: сторонником евангелизма, не брезгающим насилием, коварного с врагами и нежного с друзьями, со своими династическими планами. После смерти жены и дочерей у Кромвеля остается единственный сын, Григори. Сам он в силу происхождения не может встать на равной ноге с английской аристократией; при дворе и в совете он ощущает себя среди врагов, на груди под рубахой Кромвеля почти до самого конца романа прячется его избранное оружие – солдатский кинжал, который он всегда готов пустить в дело. Получивший же образцовое воспитание Григори – рыцарь и джентльмен, участник турниров и любитель чтения, желанный гость повсюду. Брак Григори с сестрой королевы Джейн Сеймур – одно из высших достижений Кромвеля. Его сын становится свояком короля нынешнего и дядей короля будущего. Кромвелю в самом деле удалось обезопасить сына этим браком – уже за пределами романа остается тот факт, что после его казни Генрих не преследовал Григори, как это часто бывало с семьями других казненных, а позволил ему унаследовать малую часть земель отца и даже учредил для него новый баронский титул.

В сравнении со сжатой пружиной сюжета романа «Внесите тела» сюжет «Зеркала и света» может показаться замедленным. Это происходит потому, что в предыдущем романе Кромвель действовал, спасая свою жизнь, ему было важно предупредить удар от ненавидящей его Анны Болейн. Здесь же события занимают не девять месяцев, а четыре с небольшим года, и все это время Кромвель находится на вершине власти. Лорд хранитель печати – формально не самая высокая должность, однако именно он ведет заседания королевского совета, как именуется тудоровское правительство, т. е. исполняет функции премьер-министра. Он – вице-регент по делам церкви (после смерти Кромвеля этот созданный для него пост не возобновлялся); после номинального главы церкви, короля, в ключевых для эпохи делах религии и церкви он главный человек, стоящий над епископами. Главное дело его последних лет – печатание и распространение английского перевода Библии, расстановка на ключевые посты в церкви людей, которые и после его смерти будут проводить его взгляды. Кромвель тем самым задал

линию расхождения английского протестантизма с лютеранством и определил будущее лицо англиканской церкви. Кромвель организует выборы в парламент, пишет билли и контролирует процесс их принятия в парламенте. Он представляет корону в общественно значимых судебных процессах, которые оркеструет из-за кулис; он улаживает отношения с обоими грозными соседями, Испанией и Францией, теологические стычки протестантов с католиками, торговые споры, семейные дела и взаимные претензии вельмож, словом, он отвечает за все. Главный же предмет его забот – сам король, его физическое и душевное здоровье, его отношения с женами, любовницами, детьми, придворными, финансирование королевской казны. Окружающие видят Кромвеля именно как руководителя короля: «Милорд отец, на ком вы позволите королю жениться теперь?» – спрашивает Кромвеля сын после смерти Джейн Сеймур [7, с. 552].

Поскольку власть в «Зеркале и свете» становится для героя повседневной рутинной, роман, написанный от третьего лица, но воспроизводящий его сознание, его точку зрения на происходящее, эту рутину все больше перестает регистрировать. В ходе романа Кромвель не утрачивает ни своего видения будущего Англии как самой процветающей державы Европы, ни своей изумительной работоспособности, но исподволь в нем копится усталость. В пятьдесят лет начинает сдавать железное здоровье; лейтмотив усталости звучит с первых страниц романа, героя все чаще посещает бессонница, к сердцу как будто привязывают железную гирику, болит нога, а в самый ответственный момент политического кризиса на него нападает подхваченная в молодости итальянская лихорадка. Десять лет на вершине власти истощают его внутренние ресурсы, он начинает допускать ошибки.

Механизмы политической власти, изобретенные Кромвелем и уже запущенные к третьему тому трилогии, предстают в «Зеркале и свете» в качестве фона. В центре оказывается более свойственная художественной литературе плоскость власти – область психологии власти в межличностных отношениях, динамика взаимоотношений короля и того единственного, кто, по словам Генриха, «рожден его понимать» [7, с. 865].

При их первом знакомстве, когда Кромвель еще работал на опального кардинала Вулси, он завоевал доверие Генриха теми качествами, которые не встретишь при дворе: умением высказать нелицеприятную правду, отстаивать свою точку зрения, своей бесспорной преданностью и лояльностью. «Он увидел, в чем нуждался Генрих, и удовлетворил его нужду, однако правитель не



должен знать, что в тебе нуждается, – ему не понравится быть в долгу перед своим подданным» [7, с. 397] – вот, собственно, формула успеха и падения Кромвеля. Он умеет читать личность Генриха-человека, как открытую книгу: предугадывать желания короля, иными словами, внушать королю его желания; когда Кромвеля среди ночи зовут к королю, он толкует Генриху его сны, успокаивает его совесть; они вместе проводят долгие дни на охоте, за игрой в кости; наедине король зовет его «Том», они почти всегда рядом.

Но Генрих не вполне человек. Он прежде всего король, уверенный в божественности своей власти, в собственной непогрешимости. Кромвель ни секунды не считает Генриха своим «другом». Уже первый том трилогии показал превращение короля из пылкого рыцаря, «Добродетельного принца», как его звали в юности, любимца народа, в параноидального деспота. Рубежной вехой в этом процессе стала казнь Томаса Мора в июле 1535 г., которую не смог предотвратить Кромвель. Генрих не пощадил Мора, своего доверенного советника с 1517 г., бывшего лорда-канцлера, наиболее вероятного автора латинской книги, вышедшей под именем короля, «В защиту семи заповедей от Мартина Лютера», за которую Генрих VIII получил от папы титул Защитника веры. Генрих бывал у Мора дома, ценил европейские связи гуманиста и справедливо видел в нем украшение своего двора. Но когда блестящий ум Мора пришел к заключениям, отличавшимся от выгоды Генриха (Мор не поддержал Генриха как главу английской церкви и остался верен Риму), король потребовал от Кромвеля убрать Мора. Первый том трилогии завершается казнью Мора; в начале третьего тома Кромвель размышляет: «Для Генриха век уговоров позади – он закончился, когда Мор каплями стек на эшафот <...> Отныне настал век принуждения, и королевская воля – инструмент, который каждое утро затачивает кузнец: остроконечный, жалающий, он глубоко ввинчен в наш испорченный век» [7, с. 92].

Испорченный век во главе с испорченным государем. Генрих лжив настолько, что «даже не осознает своей лжи, искренне считая себя правдивейшим из государей» [7, с. 92]. Вздорный, обидчивый, падкий на лесть, потакающий своей плоти, вечно себя жалеющий Генрих ленится заниматься государственными делами, по очереди подвергает опале своих советников, стравливая их между собой, соединяет суеверие с недоверчивостью. Как говорит испанский посол Шапюи, «Генрих – великий человек, ему недостает лишь последовательности, благоразумия и здравого смысла» [7, с. 670]. Главный его порок как правителя – кровожадная непредсказуемость, которая наводит ужас на окружающих. Кромвель

усвоил урок из ошибки Анны Болейн, которая обращалась с королем как с мужем: «Она принимала Генриха за обычного мужчину. А он, как все правители, полубог-полуживотное» [7, с. 109]. Еще одна метафора для короля – опасный великан; Кромвель во время бессонницы разговаривает сам с собой: «Пересиль страх, не упусти удачу. Если знаешь, как разговаривать с великанами, ты можешь его околдовать. Чудовище станет твоим созданием. Он думает, что ты служишь ему, а на деле ты служишь себе» [7, с. 405]. И очень рано в романе в потоке внутренней речи Кромвеля формулируется его личная дилемма: «...если Господь сделал меня матросом на корабле дураков, как мне убить пьяного капитана, чтобы отвести корабль в порт и не разбиться о скалы?» [7, с. 99]. Конечно, случалось, что средневековых королей убивали не только на поле боя, но Кромвель не помышляет о предательстве.

Мысль о смерти Генриха неоднократно приходит в голову герою, особенно с памятного момента во втором томе: в январе 1536 г. Кромвель вернул короля к жизни после неудачного падения на турнире. Генриха придаливший оступившийся конь, два часа король был без сознания; у Мантел призванный из дворца Кромвель улавливает дыхание короля и приводит его в чувство. За этот час Кромвель осознает, что его жизнь полностью зависит от жизни короля. Уми Генрих, и он не успеет сесть на корабль, его раньше настигнут могущественные враги-завистники, которые не смеют тронуть его, пока за ним стоит король. Первое описание этой сцены во втором томе играет новыми смыслами в «Зеркале и свете», когда очевидцы напоминают Кромвелю вытесненную из его памяти подробность: в то время как все боятся прикоснуться к лежащему королю, секретарь хватается за грудки и вздергивает на ноги с криком «Дыши, сволочь, дыши!» [7, с. 584].

Падение на турнире открывает старую рану на ноге Генриха, которая не затянется до самой его смерти. От постоянной боли в «Зеркале и свете» все больше мрачнеет его нрав, после казни Анны Болейн король как будто ищет предлоги для истребления близких. На протяжении романа повторяются эпизоды припадков короля, столь же старательно скрываемые от внешнего мира, как падение на турнире; повествование многократно фиксирует разносящиеся по стране слухи о кончине Генриха, которую якобы скрывает от народа всем заправляющий, околдовавший доброго короля Кромвель.

Любые разговоры о болезни короля или о будущем после его кончины приравнены к государственной измене. В романе их ведут только старшие дети короля, бастард Генри Фицрой, герцог Ричмонд (1519–1536), и леди Мария, послы



иностраннных держав да заключенные в Тауэре – все люди особого правового статуса. Кромвель по долгу лояльности пресекает подобные разговоры, но он не может не просчитывать варианты на случай смерти короля. Мантел выстраивает целую сюжетную линию, для которой нет опоры в исторических источниках, – это линия возможного регентства Кромвеля при малолетнем Эдуарде после смерти Генриха. Естественно, нет никаких исторических свидетельств о притязаниях Кромвеля на высшую власть; во всех дошедших до нас документах он обращается к Генриху, как положено верноподданному.

Не то в романе. У Мантел Кромвель сознает свою полную зависимость от Генриха и тяготится ею. Генрих – его защита и одновременно его бремя; он ему благодарен и верно служит, но психологически достоверно, что герой все больше начинает воспринимать короля как капризного ребенка, только вместо надоевших игрушек он разбрасывает вокруг себя трупы. Предположение о том, что Кромвель лелеет мысль о короне для себя (через брак с леди Марией) либо для Грегори, высказывается множеством персонажей романа. Впервые мысль о Кромвеле-короле звучит в Тауэре, где Кромвель навещает высокопоставленного узника. Известный мот и игрок, сэр Фрэнсис Брайан говорит: «Я вас раскусил, Кромвель. Считаете себя осторожным и предусмотрительным политиком. А вы такой же игрок, как я. <...> Другой с вашим происхождением получил бы спокойное местечко и пересчитывал трофеи. Но не Кромвель. Он должен непременно всем заправлять. Если девчонка Сеймуров родит королю сына, кто займется его воспитанием, если не Кромвель? А если наследником объявят Фицроя, на кого ему положиться, если не на Кромвеля? Если Мария станет королевой, она никогда не забудет, кому обязана спасением.

– Поверьте, Фрэнсис, – улыбается он. – Так далеко я не заглядываю. Мне бы пережить эту неделю.

– Вы не остановитесь, пока не станете герцогом¹. Или королем. Кстати, из вас выйдет неплохой король» [7, с. 146].

В следующий раз мысль о Кромвеле как о наследнике озвучивает сам Генрих. Королевский совет обсуждает требование мятежников Севера выдать им Кромвеля, и Генрих, не выносящий внешнего давления, повышает голос: «Я создал моего министра, и, клянусь Богом, я от него не отрекусь. Если я говорю, что Кромвель – лорд, значит, лорд. А если я скажу, что наследники Кромвеля будут править Англией после меня,

¹ На тот момент на всю Англию было 25 аристократических титулов (бароны, маркизы, графы), в том числе два герцогских.

Господь свидетель, так тому и быть, или я вылезу из могилы и разберусь с теми, кто посмеет послушаться.

Наступает молчание» [7, с. 333].

Необдуманнные слова Генриха консолидируют всех врагов Кромвеля, его шансы уцелеть в игре с властью уменьшаются.

Может ли человек испытывать такой взваленный на него груз ожиданий без последствий? Подданный не может стоять наравне с королем, однако Кромвель уже давно стоит рядом с королем, в романе курс прокладывает не король, а его слуга. Кромвель прекрасно понимает, насколько опасны для него крики толпы «Кромвель, король Лондона!» (7, с. 470), сплетни о том, что в него влюблена леди Мария, что он вертит королем как хочет. Но весь его опыт общения с королем, сама атмосфера жизни подле короля, в качестве его главного советника, ведет к тому, что, помимо воли и рациональных доводов, он начинает воспринимать Генриха как равного. Вот как он проговаривается, вспоминая один из эпизодов прошлого: «Я не должен был позволять королю встать у меня на пути. – Милорд, тихо замечает Рич, – король не может встать у нас на пути, он и есть наш путь» [7, с. 320].

В середине романа, когда Кромвель нейтрализует своих главных врагов, поставив их в полную от себя зависимость, и успешно осуществляет политику продвижения Реформации, в канун рождения наследника, король вызывает Кромвеля к себе в Ишер: «Приезжайте и будьте подле меня. Проводите со мной дни» [7, с. 541]. Обняв Тома Кромвеля за плечи, король гуляет с ним саду:

«– И вы слишком много работаете, – говорит Генрих, будто не сам задает ему работу. – Если я умру прежде срока, Сухарь, вы должны...

Давайте же, думает он. Составьте документ. Назначьте меня регентом.

– Вы должны... – Генрих осекается, выдыхает в зеленый воздух. Говорит: – Такой чудесный вечер!

Он думает, напишите прямо сейчас. Я схожу за бумагой. Приложим ее к стволу и набросаем черновик.

– Сэр? Я должен... – напоминает он.

Печатью можно будет скрепить позже.

Генрих поворачивается и смотрит на него.

– Вы должны за меня молиться» [7, с. 541].

Вот момент, когда монарх впервые чувствует опасность для своей власти: личную власть Кромвеля, сравнявшуюся по объему с его властью. С этого момента Генрих начинает микроскопическими шагами отдаляться от Кромвеля. Вроде бы естественно, что во время траура по Джейн Сеймур король реже видится с членами королевского совета, в том числе с Кромвелем; в их разговоры



Генрих начинает вставлять мелкие шпильки; заверяет, что если он ругает лорда хранителя печати на людях, то это только для виду, что он целиком доверяет Кромвелю. Но посланцы от Кромвелю всегда имели прямой доступ к королю – теперь им приходится ждать. Кромвель гадает, чем конкретно вызвано недовольство Генриха: тем ли, что ему никак не удается выполнить приказ – избавиться от скрывающегося на континенте кузена короля Реджинальда Поля, автора обличительной книги о Генрихе, или тем, что ему не удалось предотвратить направленный против Англии союз Испании с Францией. На самом деле причина одна, и ее формулирует еще один осужденный к смерти аристократ: «Король не будет считать себя обязанным вам, Кромвель. Чем сильнее вы свяжете его своими деяниями, тем сильнее он станет вас презирать. Мне вас жалко – впереди у вас пустота. Король будет ненавидеть вас за ваши успехи не меньше, чем за ваши неудачи» [7, с. 417], и позже, когда уже заключенному в Тауэр Кромвелю его воспитанник, ныне приближенный короля, говорит: «Он боится вас, сэр. Вы его переросли. Стали больше, чем дозволено слуге или подданному» [7, с. 848].

А пока, в последние два года жизни Кромвелю, король лицемерно осыпает Кромвелю знаками милости: принимает в орден Подвязки, одаривает землями, титулом графа Эссекса. Все это, однако, не заглушает в Кромвелю растущую тревогу. Он, как и король, – политическое животное, и чутье в нем столь же сильно, как голос разума. Первый знак приближающегося конца подает его тело. На пасху 1539 г. Кромвелю надолго укладывает в постель приступ итальянской лихорадки. Когда Кромвель страдал от этой болезни в первом томе трилогии, Генрих, опасаясь любой заразы, навел его на дому, что вызвало сенсацию. Теперь о посещении короля нет и речи. Болезнь лишает героя доступа к королю, дает время сговориться его завистникам; он не в силах добраться до парламента, который, вопреки его намерениям, принимает законы в пользу католичества.

Детально воспроизводимый бред Кромвелю во время болезни состоит из более или менее развернутых обрывков его воспоминаний. Это способ обрисовать подсознание героя или, точнее, состояние его совести, на которой за годы правления скопилось немало грехов. Ему являются призраки Болейнов, его первого хозяина и покровителя кардинала Вулси, сожженных единоверцев и, самое интересное с точки зрения раскрытия образа Кромвелю, – воспоминания о далеком прошлом. Насилие, кровь, убийства, смерть – и когда во время болезни все вытесненное из сознания возвращается, облекается в слова, герой как бы признает свою причастность к смерти. Из болезни он выходит не просто физически ослаб-

ленным, но морально, по сути, уже готовым к собственной смерти. Ему предстоит прожить еще год, впереди еще две книги романа, у него еще будут моменты взлета – но он уже надломлен, инстинкт власти в нем начинает давать сбои. Его терпение в отношениях с Генрихом истощается, он начинает разговаривать с Генрихом не как мужчина с мужчиной, а как подданный, тем самым предоставляя королю совершать ошибки, вину за которые король возложит на него же, Кромвелю. Сильной метафорой для отношений министра с королем становится образ леопарда в клетке. Кто-то присылает Кромвелю диковинку для его зверинца, и тот принимает подарок, велит хорошо кормить и стеречь хищника. Частенько задерживаясь перед его клеткой, Кромвель видит, как тот набирает вес, начинает лосниться его мех, и все больше в движениях, в зрачках зверя герою видится, что леопард воспринимает его как пищу, как возможную добычу. Кромвелю заворачивает скрытая в звере сила, постоянная готовность напасть, вырваться из клетки.

Равно важны два эпизода общения Кромвелю с королем. В первом, почти лирическом по тону, король сентиментально вспоминает их совместные дела и дни и вдруг проявляет редко ему свойственную пронизательность: «Знаете, мне кажется, вы так меня и не простили. За то, что я расстался с Вулси.

Расстался? Боже милостивый.

– Я думаю, вы вините меня в его смерти» [7, с. 744].

Кардинал Вулси был наставником и первым хозяином Кромвелю. Он умер подконвойным по дороге в Тауэр, обвиненный в измене. Так Генрих отплатил человеку, который управлял за него Англией до Кромвелю; Вулси предстояла казнь, но кардиналу повезло умереть своей смертью, поэтому Кромвель и отмечает употребленное Генрихом слово «расстался», странный эвфемизм для более точного «погубил». «Расстался» подчеркивает, что в своих глазах Генрих безгрешен. Король продолжает: «За десять лет я очень сильно изменился. Вы – не очень сильно. Вы не изумляете меня, как прежде. Вряд ли вы сумеете меня удивить, памятуя, что вы сказали и сделали за это время, а я не стану отрицать, Том, что вы свернули горы. Вы работаете за десятерых обычных людей. Но мне все равно недостает кардинала Йоркского» [7, с. 746].

Мертвый кардинал обставил живого Кромвелю; ситуация с Вулси повторяется, король в очередной раз проявляет свою звериную сущность.

Второй эпизод – последний разговор короля с Кромвелем, который пока не знает о том, что за его отстранение Генриху обещан вождельный



союз с Францией. Повествование отмечает непонятную Кромвелю резкость, раздражительность короля, эти знаки нечистой совести. Генрих настраивает себя против тех, кого готовится предать. Король подчеркнуто провозглашает общий принцип: «...те, кто порочит Кромвеля, порочат короля. Лишь я могу укорять или награждать моих слуг, больше никто» [7, с. 831]. Он вроде бы защищает Кромвеля, но одновременно указывает ему его место слуги. В ходе разговора король нападает на Кромвеля за то, что тот якобы не спешит выполнить его желание о разводе с Анной Клевской. Кромвель тщательно взвешивает слова: «— Я сделаю что смогу, но, если вы разведетесь с королевой, я не смогу отворотить дурных последствий.

- Вы мне угрожаете? — спрашивает Генрих.
- Боже сохрани.
- Он и хранит.

Король отворачивается и смотрит в стену» [7, с. 833].

«Отворачивается» в прямом и переносном смысле — он больше никогда не увидит своего министра. Через день Кромвеля схватят прямо на заседании королевского совета и препроводят в Тауэр, откуда он уж больше не выйдет. Финальная книга романа, описывающая последние сорок восемь дней жизни героя, показывает его в состоянии эмоционального потрясения. В нем вспыхивают моменты надежды на переменчивость короля, на то, что он сумеет переубедить Генриха при личном свидании, но в целом он трезво все понимает. Кромвель помнит, что Генрих никогда не прощался ни с женами, ни с друзьями, которых обрекал на смерть, он покидал их без объяснений, отворачивался. Кромвель предвидит, что после него некому будет управлять страной, те, кто сегодня над ним торжествует, передерутся между собой, в Англии воцарится хаос — так оно и произойдет, после Кромвеля страна будет скатываться к неуправляемости. Кромвель знает, что к нему будет применен написанный им же закон о том, что обвинение в измене влечет лишение прав, а значит, суда над ним не будет, и он умрет, как только составит для короля последние требуемые для развода с Анной Клевской документы. Из уважения к титулу графа Эссекса король милостиво заменяет положенное изменникам четвертование на отсечение головы, и Кромвель за это искренне благодарен Генриху. Он давно знает, что его государь лишен человечности и милосердия, и всерьез не ждет пощады. Кромвель обвиняет только себя — в излишнем самомнении, в том, что уверился, будто насквозь знает своего государя, ошибся в расчетах: «Может, кто-нибудь скажет, что я умер за Евангелие, как Мор умер за папу. Но большин-

ство не сочтут меня мучеником, разве что мучеником за жажду преуспеть в жизни» [7, с. 888].

Еще в романе «Внесите тела» посол Шапюи задал Кромвелю вопрос, что он будет делать, когда Генрих от него отвернется; посол употребляет то самое слово, которое использовано в последней сцене между Генрихом и Кромвелем — «отвернуться» (в русском переводе второго тома читаем «немильность» [8, с. 264]). Ответ Кромвеля дадим в нашем переводе:

«— Наверно, так оно и случится. Когда-нибудь.

Иногда он просыпается среди ночи и думает об этом. Есть придворные, вышедшие в почетную отставку. Он знает примеры. Конечно, другая возможность намного ближе, когда около полуночи ворочаешься в постели.

— Но если этот день придет, что вы сделаете?

— Что я могу сделать? Вооружусь терпением и предоставлю все Господу.

И буду надеяться, что конец будет быстрым» [9, р. 224].

Так оно и происходит.

В последней шестой книге романа темп изложения ускоряется; властная конкуренция, лежащая в сердце сюжета, уже разрешилась в последней сцене пятой части, когда герцог Норфолк во время потасовки в совете срывает золотую цепь с плеч Кромвеля и того передают коменданту Тауэра. Перед лицом смерти Кромвель, лишенный всех рычагов власти, полностью возвращен в систему средневековой монархии, где всех, кого король создает, он же и уничтожает. Никому не приходит в голову спросить, как вице-регент по делам религии оказался еретиком, как человек, пожалованный в апреле графом Эссексом, в июне оказался изменником. Сторонники Кромвеля застывают в оцепенении, в страхе за себя. Единственную робкую попытку вступить за Кромвеля предпринимает архиепископ Томас Кранмер, друг Кромвеля и духовник короля. Бесплезно, Генрих уже вычеркнул Кромвеля из жизни. В Тауэре Кромвель превращается в слугу, прогнавшего своего господина и уж тем самым виновного; он может сколько угодно уверять, что вина его не намеренная, не злоумышленная. Никаких других причин для его смерти нет, и не требуется. Кромвель смеется над допрашивающими его обвинителями, над «доказательствами» измены: он одевался не по статусу роскошно, он принял от леди Марии пару перчаток, явный символ брачного союза, он с помощью волшебного перстня Вулси околдовал короля. Враги Кромвеля и сами знают, как шатки их обвинения, ничего серьезного ему предъявить невозможно. В отношении к Генриху Кромвель в последние дни выдерживает роль кающегося слуги, который молит господина о прощении и



призывает на его голову все блага – потому что он думает о будущем Грегори и внуков, племянника и его детей, о своих друзьях. Всем им он передает распоряжение отречься от него, дать королю то, что он желает, в надежде самим пережить приступ королевской кровожадности.

Обвиняет Генриха в романе только вымышленный персонаж. Слуга Кромвеля Кристоф вывезен им из Кале шуплым подростком, он быстро отъелся на английских хлебах и освоил английскую речь, особенно по части ругательств, но не оставил своих авантюрных, бедовых наклонностей. Кромвель в нем видит себя молодого. Кристофа он выбирает, чтобы тот был при нем в Тауэре. Кристоф предан Кромвелю так же, как тот был предан кардиналу Вулси, он питает к своему хозяину сыновние чувства. Пока Кромвель в заточении, Кристоф высказывает угрозы в адрес короля: «А Генриха я буду пинать по Уайтхоллу, как свиной пузырь. Вот лопнет, посмотрим, кто тут король. Вот размажу его по камням, посмотрим, кто победил» [7, с. 843].

А когда Кромвель поднимается на эшафот, Кристоф протискивается к нему сквозь плотную толпу, сквозь стражу, и изрекает проклятие королю: «Генрих, король Англии! Я, Кристоф Кромвель, тебя проклинаю! Святой Дух тебя проклинает! Твоя собственная мать тебя проклинает! <...> Чтоб тебе сгнить с пяток до макушки, медленно-медленно, за семь лет. Чтоб тебя Бог раздавил. Чтоб тебе в ад провалиться».

Кристофа оттааскивают» [7, с. 905].

И остается только потрясающая финальная сцена – сцена казни во всей полноте ее телесных и душевных переживаний, написанная с точки зрения казнимого. Это описание того, как вытекает жизнь из обезглавленного тела, как затухает сознание и человек растворяется в первоэлементах – в воде, в пространстве, в свете. В общей композиции трилогии эта сцена закольцована с самой первой сценой, когда отец смертным боем бьет пятнадцатилетнего Тома и орет ему «Вставай!». После взмаха палаческого топора в ушах его опять звучит этот отцовский крик, и его последнее усилие – встать на ноги. Незримо на эшафоте рядом с Кромвелем оба его отца – пьяница из Патни Уолтер Кромвель и его духовный отец кардинал Вулси, т. е. герой возвращается к первооснове властных отношений, к связке отец – сын. Король, который в это утро женится в пятый раз, в последних мыслях Кромвеля подчеркнута отсутствует.

Таким образом, «Зеркало и свет» содержит в себе несколько моделей власти, которые то жи-

ваются между собой, то вступают в открытый конфликт. Качественная разница этих моделей есть источник энергии развития сюжета. Мантел показывает аморальность власти монархической, развращающей как ее носителя, так и его подданных. Наиболее пронизательные из них понимают, что все они являются для монарха только орудиями осуществления его желаний. На примере главного героя роман изображает разлагающее влияние власти в монархической системе для любого, кто в ней участвует. Кромвель, оставаясь человеком своей эпохи, смотрит в будущее. Он закладывает для своей страны основы власти другого типа, основанной на свободе совести, на равенстве всех перед законом, на перераспределении единоличной власти между разными институтами. Его умение использовать даже врагов – тех, кого монархическая власть традиционно уничтожает, – умение делегировать свою власть, его беспрецедентная попытка создания первой государственной бюрократии предвосхищают создание современной системы сдержек и противовесов разных ветвей власти. Стоящий же в центре повествования психологический поединок между королем и его министром представляется одним из самых сильных аспектов романа «Зеркало и свет».

Список литературы

1. Pearson A. The Mirror and the Light, by Hilary Mantel, review: A little baggy, but still brilliant // The Telegraph, January 14, 2021. URL: <https://www.telegraph.co.uk/books/what-to-read/mirror-light-hilary-mantel-review-little-baggy-still-brilliant/> (дата обращения: 30.01.2022).
2. Elton G. R. The Tudor Revolution in Government: Administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge : Cambridge University Press, 1953. 466 p.
3. Starkey D. Court and Government // Coleman C., Starkey D., eds. Revolution Reassessed: Revisions in the history of Tudor government and administration. Oxford : Oxford University Press, 1985. P. 29–58.
4. MacCulloch D. Thomas Cromwell: A Life. Penguin Books, 2019. 728 p.
5. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
6. Священное тело короля : Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М. : Наука, 2006. 484 с.
7. Мантел Х. Зеркало и свет / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. 928 с.
8. Мантел Х. Внесите тела. М. : АСТ, 2014. 478 с.
9. Mantel H. Bring Up the Bodies. N.Y. : Henry Holt and Co, 2012. 410 p.

Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022